

Alla Kamalova

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ОБРАЗ, СИМВОЛ, ФАКТ В ПРАВОСЛАВНОЙ ГИМНОГРАФИИ

На долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума.

Иммануил Кант¹

Введение

Без выявления стержневых идей философии Правды невозможно понять историю, характер, специфику культуры народа. Однако для каждого народа путь поиска Правды, ее философского осмысления своеобразен. Так, например:

Идея правды постоянно присутствует в русском общественном сознании. Размышления о Правде, поиски Правды, неизбывное стремление к Правде составляют важнейший лейтмотив русской ментальности. Русские мыслители, литераторы, публицисты, да и просто мыслящие русские люди рассматривают вопрос о Правде как один из ключевых, смыслонесущих и смыслозадающих жизненных вопросов, который обязательно должен быть решен².

Исследование правды предполагает опору не только на философские труды, но также на исследования, посвященные истории культуры и мировоззренческих парадигм, типам человеческой рациональности

¹ И. Кант: *Критика чистого разума*. Пер. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц. Арзаканяном и М. Иткиным. Примечания Ц. Арзаканяна. Москва: Мысль 1994, с. 5.

² М.В. Черников: *Философия Правды в русской культуре*. Автореферат докторской диссертации. Воронеж: Воронежский государственный университет 2002, с. 4.

и концептуальных построений. В рамках осмысления феномена Правды актуальна проблема соотношения сущего и должного.

Проблема о сущем и должном не решается легко, и, «можно утверждать, что она вообще не решается в рамках позитивно-научного рассмотрения»³. У Петра Струве о долженствовании читаем следующее:

Отдельные нравственные веления могут с логической обязательностью вытекать из верховного закона, но этот последний вовсе не утверждается на той естественной принудительности, которая присуща представлениям бытия и логическим законам. Поэтому ни путем чисто логической очевидности, ни путем опыта (то есть путем соединенного принуждения восприятий и логической очевидности) нельзя прийти к признанию долженствования. Долженствование утверждается — бессознательно или сознательно — на внеопытной или трансцендентной санкции⁴.

Анализ рассуждений Струве о должном и сущем показывает, что философ приходит к следующим выводам: должное субъективно, а значит не общеобязательно и не равноценно с сущим, должное не выводимо из сущего, оно утверждается самостоятельно, должное не может быть изучено научным путем, но метафизическим⁵. Из рассуждений Струве, а также воззрений иных мыслителей можно сформулировать наиболее общий тезис: наука охватывает сферу доказуемого, религия — сферу недоказуемого. Идеи Струве о должном и сущем, как представляется, могут стать методологической основой для изысканий по вопросу о достоверности фактов в религиозном дискурсе: актуальна мысль о субъективной маркированности должного.

***Правда* в лингвистических исследованиях**

Исследования Правды в лингвистике предпринимались неоднократно⁶. Так, например, ряд российских работ посвящено семантическому и логическому анализу слов *правда* и *истина*⁷, характеристике кон-

³ Там же, с. 13.

⁴ П.Б. Струве: *Patrotica: Политика, культура, религия, социализм*. Москва: Республика 1997, с. 362.

⁵ Там же, с. 361–377.

⁶ О работах, посвященных правде и истине, см.: М.А. Агиенко: *Структуры концептов ПРАВДА, ИСТИНА, TRUTH в сопоставительном аспекте*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург: Екатеринбургский государственный университет 2005, с. 4–5.

⁷ Н.Д. Арутюнова: *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры 1999, с. 542–642.

цептов 'Правда' и 'Истина'⁸, проблеме концептуализации и способам объективации правды и истины⁹ и другим вопросам. Гораздо менее разработанным является вопрос о правде в религиозном дискурсе; наиболее заметной по данной проблеме является публикация Сергея Воркачева, посвященная Божией правде¹⁰, в которой на материале библейских текстов Правда рассматривается в аспекте справедливости. На вопрос «В чем же отличия и сходства небесной и земной справедливости?» автор статьи отвечает так:

Прежде всего, как представляется, небесная справедливость отличается от земной своей идеализированностью — однополярностью как отсутствием в ней каких-либо отрицательных свойств. Мораль в ней неразрывно связана с правом, вынесение нравственной оценки равнозначно судебному решению, а вся «не-правда» — человеческие пороки и дефекты системы судопроизводства остаются на земле. В отличие от людского правосудия небесное неотвратимо, несмотря на свою «отложенность». Оно также неподкупно и нелицеприятно¹¹.

Религиозный дискурс представляет собой актуальный материал для изучения вопроса о Правде и Истине, о содержании Правды, однако не менее остро стоит вопрос о том, как может (должен) решаться вопрос о правдивости (истинности) фактов истории веры, как реализуется должное и сущное в религиозном дискурсе. Эта проблема ждет своего рассмотрения.

Следует заметить, что религиозный дискурс — область недостаточно разработанная, исследователи находятся в поисках адекватных методик и приемов его изучения. Обращение к религиозному дискурсу инициирует интерес современных лингвистов к религиозному мировоззрению, в связи с этим приведем справедливое, по нашему мнению, высказывание Алексея Черноброва:

Некоторые отечественные лингвисты пытаются теперь совместить научную методологию с религиозным мировоззрением, но зачастую им не хватает ни религиозоведческих, ни философских знаний, чтобы это совмещение было органичным. Освоение (или переоткрытие) нашим обществом религиозного

⁸ В.А. Лукин: *Концепт истины и слово истина в русском языке (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке)*. «Вопросы языкознания» 1994, № 4, с. 63–85.

⁹ М.В. Пименова: *Концептуализация и способы объективации истины и правды*. «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики». Ежегодный журнал. Выпуск XIII. Владикавказ 2011, с. 61–68.

¹⁰ С.Г. Воркачев: *Правда Божия: идея справедливости в религиозном дискурсе*. В кн.: *Новое в славянской филологии*. Ред. М.В. Пименова. Серия «Славянский мир». Выпуск 4. Севастополь: Зибэст 2009, с. 4–20.

¹¹ Там же, с. 19.

мира сильно запоздало. Есть большой соблазн абсолютизировать духовную грань нашего бытия, как раньше мы абсолютизировали материальное. Важно не поддаваться этому соблазну¹².

Гимнография как предмет изучения

Гимнография или гимнотворчество — это искусство сочинения хвалебных песнопений, обычно культового характера. Православная гимнография представлена совокупностью поэтических текстов, составляемых с IV века по настоящее время и распределенных по разным частям богослужебных книг. Особенность богослужебной гимнографии заключается в том, что она обязательно пропеваается (это может быть чтение на распев, интонируемая декламация, мелодия), и изучение подобного жанра требует усилий специалистов разных областей знаний. В данном исследовании гимнографические тексты анализируются с лингвистических позиций.

В данном исследовании к анализу привлекаются два текста: Акафист святителю Николаю¹³ и служба в честь памяти святых мучеников Маккавейских, учителя их Елеазара и матери их Соломонии из Служебной Минее на август¹⁴. Акафистный текст интересен тем, что это — древнейший жанр, получивший в настоящее время активное развитие: ежегодно появляется несколько десятков акафистов. Обращение к Минее на август продиктовано тем, что это — наименее изученный с точки зрения жанра и конкретного текста источник.

Акафисту посвящено немало исследований, в которых описывается история этого жанра, структура, языковые особенности, певческая традиция и т.д. Творческая деятельность по созданию акафистов и научное их изучение способствовали формированию самостоятельных направлений в изучении гимнографии — акафистоведению и акафистографии. Наиболее авторитетный труд, содержащий историко-библиографический обзор акафистов, переводных и оригинальных, рукописных и печатных, существовавших в России до Синодального периода и в Синодальный период, описывающий построение акафистов и их языковые особенности, — книга Алексея Попова *Православные*

¹² А.А. Чернобров: *Специфика религиозного дискурса*. В кн.: *Образование и культура России в изменяющемся мире*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета 2007, с. 94–98.

¹³ *Акафист святителю Николаю*. В кн.: *Акафистник*. Т. 1. Москва: Издательство Московской Патриархии 199, с. 185–193.

¹⁴ *Минее на август*, фотокопия книги из коллекции старообрядческого Войновского монастыря (Варминско-Мазурское воеводство, Польша).

русские акафисты, впервые опубликованная в Казани в 1903 году и переизданная в Москве в 2013 году¹⁵.

Появление новых акафистов, а также возросший интерес к гимнографии в целом стимулируют научное описание как «старых», так и новых гимнографических текстов. Изучение акафистов выявляет три проблемы: первая заключается в том, чтобы в полном объеме собрать этот слой гимнографии, осмыслить его и сделать известным; вторая — в необходимости анализа гимнографических памятников со стороны содержания; третья — в осмыслении гимнографических текстов со стороны их певческой традиции. Необходимость и сложность в отборе и описании акафистов заключается в том, что многие из них, в том числе «старые» и переводные, многократно перерабатывались или же одному адресату посвящалось несколько акафистов. Этот вопрос достаточно подробно рассматривается в вышеупомянутой книге Попова, где приводится сравнительный анализ различных изданий акафистов.

Традиции изучения Миней в России заложили Александр Востоков, Измаил Срезневский, Алексей Соболевский, Алексей Шахматов, Игнатий Ягич¹⁶. Работа по изучению Миней активизировалась в последней четверти XX века, этому способствовали социально-политические и культурные события, в частности, появление новых публикаций древнерусских списков Миней. Служебные Миней в силу их исторического и культурного значения, меняющегося состава служб нуждаются в системном и многостороннем изучении. Вопросы изучения служебных Миней в определенной мере детерминированы источником (ср. например, *Путьятина минея*).

И Акафисты, и Миней — это тексты сложные по композиции и структуре. В данной ситуации опираемся на наиболее важные в смысловом отношении фрагменты текста. Избранный для дальнейшего анализа материал объединен общей темой — это гимнография святым, или агиографическая гимнография; как считают специалисты, она содержит наибольшее количество неисследованных научных проблем.

¹⁵ А.В. Попов: *Православные русские акафисты*. Москва: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви 2013.

¹⁶ А.Х. Востоков: *Описание новгородской софийской минеи XI в.* «Ученые записки Императорской Академии Наук по Второму отделению». Книга II. Выпуск II. Санкт-Петербург 1856, с. 126–128; И.И. Срезневский: *Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.)*. «Известия ОРЯС». Т. X. Санкт-Петербург 1861–1863; А. И. Соболевский: *Славяно-русская палеография*. Санкт-Петербург 1908. А.А. Шахматов: *Курс истории русского языка*. Часть 1. Санкт-Петербург 1910–1911. И.В. Ягич: *Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г.* Санкт-Петербург 1886.

Фактуальная сторона агиографической гимнографии изучается нами на основе агиоантропонимов — имен святых, и лексем, их характеризующих. Под агиоантропонимом, вслед за Ириной Бугаевой, понимается апеллятивно-антропонимический комплекс, служащий для именованья христианских святых, характерным признаком агиоантропонима является его многокомпонентность (реже двукомпонентность), что, собственно, отличает его от антропонима¹⁷.

Гимнография — «цвет и плод древа жизни Церкви Христовой», как говорил профессор Московской духовной академии протоиерей Александр Горский¹⁸, она подобна красочной мозаике. Одна из функций гимнографии — украсить церковный праздник музыкой, словом, оригинальным содержанием. Гимнографический текст как часть богослужения, церковного ритуала, насквозь символичен, это своеобразный код. Рассмотрение гимнографических текстов в аспекте проблем изучения правды обуславливает постановку следующих вопросов: Отражаются ли в гимнографических текстах факты христианской истории? Какими средствами эти факты выражаются? Отвечает ли фактуальное содержание гимнографических текстов критерию достоверности?

Образный, символический и фактуальный уровни в Акафисте святителю Николаю

Решение поставленной задачи решается на материале хайретизмов (херетизмов). Хайретизмы (греч. «радуйся») — приветствия, обращенные к воспеваемому священному лицу и состоящие из слова «радуйся» и описательного обозначения и прославления этого лица¹⁹. Интерес для нашего исследования представляют вокативы (обращения), например: (Радуйся,) лозо добродетельная винограда Христова. Подобные вокативы-символы могут быть описаны на двух уровнях: на лексическом и символическом. Первый уровень выявил следующее распределение лексем в икосах. Икос — это «песнопение, чередующееся в акафисте с кондаком; содержание ее служит прославлением подвигов помина-

¹⁷ И.В. Бугаева: *Номинация святых в русской православной традиции*. В кн.: *Библия и европейская литературная традиция*. Выпуск 2. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ 2006, с. 85–93.

¹⁸ Цитируется по: К. Керн: *Литургия: Гимнография и эортология* <<http://www.scribd.com/doc/>> (28.09.2013).

¹⁹ О хайретизмах см.: А.А. Камалова: *Структура и смысл хайретизмов в Акафисте святителю Николаю*. «Российский гуманитарный журнал» 2013, том 2, № 2, с. 139–144.

емого святого»²⁰. В Акафисте, как правило, 24 строки: 12 кондаков и 12 икосов. Выявим слова-символы, функционирующие в икосах (далее И) и их тематическую принадлежность (ТГ — тематическая группа).

Первый уровень исследования выявил следующее:

- Икос 1: *сад, цвет, лоза, древо, крина* (лилия), *миро* (растительного происхождения) — ТГ «растения»;
- Икос 2: *столп, град* — ТГ «сооружения»;
- Икос 3: *вместилище, жилище* — ТГ «жилище»;
- Икос 5: *хлеб, богатство* — ТГ «ценность»;
- Икос 7: *сияние, светило* — ТГ «свет»;
- Икос 8: *заря, роса* — ТГ «природные явления»;
- Икос 9: *лестница, покров // светлость, луч* — ТГ «ритуальные понятия» // ТГ «свет»;
- Икос 10: *питие, брашно* — ТГ «продукты питания»;
- Икос 11: *свеча, пламя, свет, солнце, // молния, гром* — ТГ «свет» // ТГ «природные явления»;
- Икос 12: *поможение, возвышение // зеркало, забрало* — нет тематического единства.

Наблюдается определенная закономерность в употреблении слов-символов, а именно: их тематическая специализация в составе одного икоса.

Второй, символический, уровень соотносит содержание хайретизмов с библейской и евангельской символикой, с символикой православного храма. Так, например, тема света характеризуется как одна из макротем церковнославянских акафистов. В работе Феодора Людоговского свет рассматривается как довод «в пользу родства понятий света и святости в русской культуре и в церковнославянском языке»²¹. Световой символизм как сущностное раскрытие Света Христова пронизывает все части богослужения: возжигание освещения в определенные моменты церковной службы, горящие свечи, употребление трехсвечника (трикирия) или двусвечника (дикирия) выполняют важную функцию в богослужении, в литургической практике, и наконец, символика семи горящих светильников в Апокалипсисе: «И от престола исходили молнии и громы, и гласы, и семь светильников огненных горели пред престолом, которые семь духов Божиих» (Откровение 4: 5).

Слова-символы со значением ‘вместилище’, характерны, как пишет Евгения Турцова, для гимнографии, посвященной Богородице и свя-

²⁰ М. Попов: *Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке*. Москва 1907.

²¹ Ф. Людоговский: *Тема света в церковнославянских акафистах*/ Богослов.ru: Научно-богословский портал <<http://www.bogoslov.ru/text/486196.html>> (17.10.2013).

тым. Богородица — источник святости, вместилище Христа, носитель идеи спасения; святые понимаются как носители святости, и в текстах, посвященных святым, также функционируют символы со значением ‘вместилище’²².

Слова и словосочетания с фактуальным содержанием выявлялись с помощью приемов когнитивной лингвистики. Выборка из текста соответствующих лексем производилась в соответствии со скриптом — сценарной схемой, содержащей основные факты о духовных подвигах святителя Николая (III век по Р.Х.); скрипт моделировался на базе повествований о жизни и чудесах святителя. Изложим основные результаты проведенного эксперимента.

По нашим наблюдениям, каждый блок хайретизмов, имеет определенную специализацию: хайретизмы Икоса 1 описывают рождение святого, его изначальную богоизбранность, радость родителей о ниспослании им долгожданного ребенка. Тема поддерживается соответствующей символикой: *сад* — символ жизни, *дерево* — символ жизни и символ креста, *лилия* — символ чистоты, величия и невинности. Последняя пара хайретизмов этого Икоса — «Радуйся, яко тобою отгонится рыдание, Радуйся, яко тобою приносится радование» — повествует о радости по поводу пришествия в мир богоизбранного младенца.

Хайретизмы Икоса 2 посвящены участию святителя Николая во Вселенском Соборе 325 года, состоявшимся по причине распространения ереси Ария. Святой Николай, архиепископ Мир Ликийских, восхваляется Церковью не только за праведность своей жизни, за благодеяния, но особенно за защиту чистоты веры христианской. В связи со сказанным понятен смысл символа Икоса 2 — *стол*, символизирующего опору. И вывод: «Радуйся, яко тобою вера утверждается, Радуйся, яко тобою ересь излагается». Хайретизмы Икоса 3 посвящены пастырской деятельности святителя Николая²³, вывод: «Радуйся, яко тобою от страстей телесных избавляемся, Радуйся, яко тобою сладостей духовных исполняемся». Символика данного *Икоса* соотносится со смыслом «вместилище», что следует толковать как наполненность благодатией Божией. Далее кратко: Икос 4 — о помощи обиженным, оболганным (возможно о гонениях императора Диоклетиана); Икос 5 — о помощи неимущему отцу трех дочерей на выданье; Икос 6 — о том, как свя-

²² Е. Турцова: *Символическое наименование лиц в тексте «Путьятиной минеи»*. «Православный собеседник» 2007, № 1 (14), с. 109–116.

²³ Святителями в православной церкви называют святых из епископского чина, почитаемых церковью как предстоятелей церковных общин, своей жизнью и праведным пастырством осуществляющих промысел Божий. См: сайт «Древо. Открытая православная энциклопедия» <<http://drevo-info.ru/articles/4429.html>> (11.10.2013).

титель Николай предотвратил казнь невинных граждан Миры; Икос 7 — о спасении гибнущего во время шторма корабля; Икос 8 — о духовном исцелении и душеспасении верующих; Икос 9 — о защите веры христианской; Икос 10 — об усмирении мятежа во Фрикии; Икос 11 — о духовных подвигах, прозрениях, о праведности святителя Николая; Икос 12 подводит итог: служитель Богу, служитель церкви, людям, спаситель душ и тел, начало всех добродетелей, чудотворец, и вывод: «Радуйся, яко тобою от вечные смерти освобождаемся; Радуйся, яко тобою бесконечные жизни сподобляемся», что собственно и является целью и смыслом жизни во Христе.

Хайретизмы, воспевающие святого, с помощью сравнений создают образ праведника и поборника за чистоту веры, мудрого пастыря и под., но также содержат информацию, которая соответствует событиям, изложенным в преданиях, рассказах, житии святителя Николая. Так, в Икосо 2 читаем:

Радуйся, Отцу, равностна Сына пропедавай; радуйся, Ария возбесившегося от Собора святых отгнавый.

Радуйся, Отче, отцев славная красото; радуйся, всех богомудрых доброто.

Отдельные лексемы в тексте Акафиста многофункциональны, они могут выполнять роль сравнения при создании образа, роль символа, актуализировать один из духовных подвигов святителя Николая. Например, в Икосо 7:

Радуйся, обуреваемых тихое пристанище; радуйся, утопающих известное хранилище.

Радуйся плавающих посреде пучин добрый кормчий; радуйся, треволнения морская уставляющий.

Слова *кормчий*, *буря* соотносят смысл хайретизмов с преданием о спасении корабля, попавшего в бурю, когда один из моряков увидел у брошенного руля гибнущего судна святителя Николая, но также с описанием его роли в спасении христианских душ и тел, вовлеченных в бурю жизненных коллизий, исторических событий. Слово *кормчий* указывает на факт спасения гибнущего корабля, закрепившийся в истории христианства как одно из чудес святителя Николая, создает образ и является символом.

Критически обработанного жизнеописания святителя Николая не существует. В *Открытой православной энциклопедии* читаем:

Известный археолог, архимандрит Антонин (Капустин), издал в русском переводе как житие Николая Пинарского, найденное Филаконием

[3], так и два жития Николая Мирликийского, найденные им самим в монастырях св. Саввы в Палестине и в Синайском [4], и из сличения их пришел к убеждению, что несомненно подлинными чертами жизни Николая Мирликийского из сказания Метафраста остаются: его рождение в Патарах, невкушение матерного молока в младенчестве в среду и пятницу, его чудесное избрание на епископство Мирликийское, его исповедничество при Диоклетиане за разорение языческих капищ, его присутствие на I Вселенском Соборе, его заступничество за трех мужей в Мирах, его явление св. Константину в Константинополе; с некоторой вероятностью к нему может быть отнесено также сказание о девицах (2-х или 3-х сестрах), спасенных от разврата. Большая часть остальных черт сказания Метафраста о Николае Мирликийском находятся в житии Николая Панарского, и с большим вероятием могут быть отнесены к биографии св. Николая VI века, а значительная часть чудес с одинаковой вероятностью может быть приписана и тому, и другому святому²⁴.

Факты жизни и духовного подвига святителя Николая в Акафисте не описываются, но с помощью отдельных слов или словосочетаний — *триех дев непорочный невестителю; неповинных от уз разрешение* — актуализируются смыслы о соответствующих фактах. А значит, смысл Акафиста доступен тому, кто знаком с агиографическими источниками, с историей церкви и христианства.

Слово *факт* в его основном значении является синонимом слов *истина, событие, результат*, как нечто *реальное*, в противоположность вымышленному²⁵. Несмотря на сказанное, слово *факт* здесь сознательно употребляется по отношению к содержанию Акафиста святителю Николаю. Для христианской истории подвиги святых, как и деяния Апостолов реальны, и верующие в их истинности не сомневаются, потому что жизнь и подвиг святого — самостоятельно утвердившееся должествование, которое не может быть доказано или опровергнуто научным путем.

Икосы содержат смыслы, которые соотносятся с агиографическими сведениями о святом: архиепископ, участник Никейского собора, признаваемым I Вселенским, мудрый наставник монастыря в Мире (Ликия), великий угодник Божий, помощник бедным, несправедливо осужденным, спаситель гибнущих. Все названные смыслы содержатся в полном агиоантропониме: *святой святитель Николай, угодник Божий, архиепископ Мир Ликийских, Чудотворец*.

²⁴ Николай Мирликийский. Сайт «Древо. Открытая православная энциклопедия» <<http://drevo-info.ru/articles/4429.html>> (11.10.2013).

²⁵ См., например: *Философия: Энциклопедический словарь*. Ред. А.А. Ивин. Москва: Гардарики 2004.

Смысловая структура хайретизмов дупланова: с одной стороны, личностные и духовные качества святого символизируются, а с другой — содержание текста соотносимо с событиями жизни и служения святителя Николая.

Имена святых в служебной Минее на август

В Служебной Минее на август первый день месяца содержит одно последование святым — «святых мученик седми братии по плоти Маккавей и учителя их Елеазара и матери их Соломонии»²⁶. Этому последованию посвящаются наши дальнейшие разыскания.

Агиоантропонимы данной памяти соотносятся с разными конкретными лицами: Елеазар — *священнейший, мудрый священник*, Соломония — *богомудрая мать* и братья, принадлежащие к роду Маккавеев. Но именно братьям посвящен основной текст, именно их подвиг получает образное воплощение в служебной Минее.

Выборка обращений к братьям Маккавеев представлена достаточно длинным словесным рядом (соблюдается их текстовая последовательность):

святые мученики
братья по крови
верных Моисейским преданиям хранители
добрей отроци
премудрые юноши
святые Маккавей
крепкодушные Авраамстии внуци
седмочисленные страдальцы
божественные Маккавей
воистину доблеи Маккавей
прехвалней мученицы
Маккавей всемудрии
мрежде мученик велицыи мученицы
отроци мудри
закону поборницы
отцу послушницы
Маккавей крепкодушнии
страсторепцы христовы
много муки страдальцы
мужеским умом Маккавей
мученики
святее мученицы
Елеазара дети

²⁶ Здесь и далее примеры и цитаты из Миней записываются в современной орфографии.

всехвалнии мученицы
молитвеницы доблии
ликъ седмочисленнии

Вокативы содержат разнообразную характеристику святых: родовое имя *Маккавеи* функционирует в пяти словосочетаниях, чин святости — в девяти (*мученики, муки, страдальцы, страстотерпцы и прежде мученик величии мученицы*), возраст святых Маккавеев подчеркивается лексемами *отроки, юноши* (три словосочетания): *добреи отроци, премудрые юноши, отроци мудри*, характеристика по родственной принадлежности выражается лексемами *братья и внуци: братья по крови, крепкодушнии Авраамстии внуци*. Лексема *дети* и *отец* употреблены в переносном значении — в значении ‘духовные дети, ученики’ и ‘духовный отец, учитель’: *отцу послушници, Елеазара дети*. Следующая характеристика касается отношения Маккавеев к вере: *закону поборници, молитвенници доблеи*.

Вокативы характеризуют святых по принадлежности к определенному народу, роду, возрасту, родственным отношениям, учителю, подчеркивается их отношение к вере.

Вокативы включают также оценочные характеристики, подчеркивающие крепость духа, мужественность — *крепкодушнии, воистину доблеи*, мудрость и доброту — *премудрые, всемудрыи, мужеским умом, добреи*. И, наконец, главная характеристика — *святые*, именно это определение — *святые мученики* открывает выше приведенный словесный ряд.

В Минее представлен образ братьев Маккавеев, их личностные качества; но не описание духовного подвига, а именно оценка подвига способствует формированию представления о братьях Маккавеев как символе мученичества за веру. Описание мученической смерти Маккавеев учеными считается исторически достоверным, поскольку данное происшествие отражено в библейской Второй книге Маккавейской (6:18–7:42). Как повествуют предания, 90-летний писец Елеазар (Елеазарий), его ученики семь братьев Маккавеев, их мать Соломония погибли в пытках «от нечестивого сирийского царя Антиоха Епифана» за отказ вкусить идоложертвенного свиного мяса²⁷. И несмотря на то, что этому факту 2180 лет, в различных источниках оно описывается со множеством подробностей, создан выразительный образ мучеников за веру.

Маккавеи — имя собственное представителей Хасмонейской династии, вождей и правителей Иудеи с 167 года до Р.Х. по 37 год после Р.Х. Однако христианская история сохранила только имена мучеников за

²⁷ *Семь святых мучеников Маккавеев*. Сайт «Православие.ru» <<http://www.pravoslavie.ru/put/55233.htm>> (17.10.2013)/

веру — братьев Авима, Антонина, Гурия, Елеазара, Евсевона, Адима и Маркела, учителя Елеазара и матери их Соломонии.

Смысл мученической жертвы так поясняется в житийном тексте:

Там мать бодрая и мужественная, вместе чадолюбивая и боголюбивая, терпит в материнском сердце терзания, невероятные по природе. Она не о страждущих сынах жалеет, но мучится опасением, что сыновья не будут страдать; не столько скорбит об отошедших, сколько желает, чтобы присоединились к ним оставшиеся; у нее больше заботы о последних, нежели о преставившихся; потому что одним предстоит еще сомнительная борьба, а других кончина сделала безопасными; одних она вручила уже Богу, о других еще беспокоится, как примет их Бог. Какая мужественная душа в женском теле!²⁸

Венцами мучеников Господь награждал исповедников веры задолго до прихода Спасителя. Особо чтятся именно братья, подвергшиеся изощренным пыткам, мужественно принявшие смертные муки, отклонив посулы сирийского царя. Чин святых представлен словами *мученики, страстотерпцы*. В *Кратком словаре агнографических терминов* Виктора Живова читаем:

Мученик (гр. [греч] *μάρτυς*, лат. *martyr*), древнейший разряд святых, прославляемых Церковью за мученическую смерть, принятую ими за веру. [...] *Страстотерпец*, наименование христианских мучеников. В принципе это наименование может прилагаться ко всем мученикам, претерпевшим страдание (страсть, гр. [греч] *πάθος*, [греч] *πάθημα*, лат. *passio*) во имя Христово. Преимущественно же это наименование относится к тем святым, которые приняли мученическую кончину не от гонителей христианства, но от своих единоверцев — в силу их злобы, коварства, заговора. Соответственно, в данном случае подчеркивается особый характер их подвига — беззлобие и непротивление врагам. Так, в частности, нередко именуются св. мученики Борис и Греб, св. Димитрий Царевич²⁹.

Вокативы, функционирующие в службе святым Маккавеем, отражают несколько содержательных слоев: исторический, житийный, образно-символический, представленный словом-символом *кровь*, числовой символикой — числом *семь*, слой, восходящий к эзгегетике и объединяющий Ветхозаветные и Новозаветные темы. Они содержат смыслы полного агноантропонима *святые мученики братья Маккавеев*.

²⁸ *Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского*. Месяц август. Барнаул: Издательство прп. Максима Исповедника 2003–2004, с. 7.

²⁹ В.М. Живов: *Святость. Краткий словарь агнографических терминов*. Москва: Гнозис 1994.

Заключение

В гимнографических текстах описываются как исторические факты, засвидетельствованные различными источниками, так и те, которые первоначально бытовали в виде устных рассказов о духовных подвигах, легенд. И независимо от того, когда был совершен подвиг во славу Божию, если он признан церковью, он фиксируется в житийном тексте, в акафисте, может быть включен в текст Минеи. В гимнографических текстах может варьироваться символический и образный уровень текста, фактуальный уровень остается неподвижным. В христианской истории не пересматриваются оценки жизни и подвигов ревнителей веры, что так часто случается в истории светского общества. В религиозной коммуникации работают своеобразные закономерности: выработаны специальные механизмы защиты и представления религиозного знания и духовного опыта, которые являются основой нравственной жизни христиан. Среди требований к религиозной коммуникации называются следующие: источник должен быть высокоавторитетным, истины принимаются без доказательств и не обсуждаются, текст обращается к чувствам верующих, а не к их разуму и здравому смыслу, информация должна быть эстетически привлекательной. Подобному положению дел способствует также следующее: христианская культура — письменная, и в рамках этой культуры выработан особый психолого-семиотический механизм, позволяющий сохранить аутентичность информации, а именно — неконвенциональное отношение к знаку (языковой знак — это не метка, а важная часть содержания), а также принцип *ipse dixit* («сам сказал») — авторитетность источника³⁰.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: необходимо говорить о двух Правдах (Истинах), соотносящихся с должным и сущим. Истина веры принимается без доказательств и обосновывается ссылками на священное писание, истина разума требует доказательств и научного изучения. А значит, нельзя смешивать два принципиально разных предмета — предмет веры и предмет доказуемых фактов.

Теория двойственности истины привела, как известно, к дисциплинарному разделению философии и теологии, но феномен «верующего разума» никогда не исчезал из поля зрения теологов, философов и ученых³¹.

³⁰ О коммуникативной защите важных религиозных смыслов см.: Н.Б. Мечковская: *История языка и история коммуникации. От клинописи до интернета*. Москва: Флинта 2009, с. 357–358.

³¹ С.С. Неретина: *Разум и вера*. В кн.: *Новая философская энциклопедия*. В 4 томах. Ред. В.С. Степин. Москва: Мысль 2001 <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8969> (17.10.2013).

Alla Kamalova

OBRAZ, SYMBOL, FAKT W ORTODOKSYJNEJ HYMNOGRAFII

Streszczenie

W artykule rozważa się problem traktowania kategorii prawdy w tekstach hymnograficznych. Teoretyczno-metodologiczną podstawę badania stanowi filozofa Piotra Struwego traktującego prawdę w perspektywie irracjonalizmu. Obiektem analizy są dwa teksty hymnograficzne: *Akafist świętemu Mikołajowi* oraz *Nabożeństwo ku pamięci świętych męczenników Makkawejskich, ich nauczyciela Elezjasza i ich matki Solomonii*. Autorka pokazuje, że fakty historii chrześcijaństwa w tekstach hagiograficznych są interpretowane jako prawdziwe. Materiał badawczy pozwala autorce wyciągnąć wnioski o kulturowej determinacji prawdy.

Alla Kamalova

IMAGE, SYMBOL, THE FACT IN ORTHODOX GIMNOGRAFIYA

Summary

In the article the problem of knowledge of the truth is solved on texts of gimnographia. The philosophical base of research was made by ideas of the Russian philosopher Peter Struve about the truth as systems and about understanding of the truth as due and real. In the article the *Acathistus to Sacred Nikolay* and *Memory to Cacred brothers Makkaveyam in Minei for August* are analyzed. The author shows how in hagiographical texts the facts of Christian history, which are perceived as true, are registered and are not called in question. The material of research allows the author to draw a conclusion about cultural determination of the truth.

Михаил Мартынов

Московский педагогический государственный университет

НАРОДНАЯ ПРАВДА И ЕЕ РОЛЬ В КОНСТРУИРОВАНИИ РУССКОГО АНАРХИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1. Русскому анархизму свойственна идеализация общинной народной жизни. Народ, согласно анархистам, живет инстинктом, который тянет его «на сторону жизни, на сторону правды»¹. При этом «народный инстинкт никогда не ошибается»². Следуя своему инстинкту, народ безошибочно выбирает дорогу к свободе. Государство и его власть необходимо разрушить, чтобы освободить естественное начало народного духа, творческие силы которого способны обновить мир, переустроить его на принципах федерализма и самоорганизации. Народная правда является центральной в конструировании анархического идеала безгосударственных общественных отношений.

Вопросу о том, что такое народная правда, каковы ее ценностные параметры в русской культуре, каким образом народная правда связана с правовым сознанием, посвящен целый ряд исследований. Среди них особо отметим работу Владимира Кантора³, в которой автор рассматривает проблему соотношения права с народной правдой в русской историко-культурной традиции, и статью Александра Янова⁴, посвященную, в частности, анализу взаимосвязи народной правды с анархическим мировоззрением. В нашей статье основное внимание

¹ М.А. Бакунин: *Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель*. В кн.: того же: *Избранные сочинения*. В 5 т. Т. 3. Петербург–Москва: Голос труда 1920, с. 83.

² М.А. Бакунин: *Коммунизм*. В кн.: того же: *Анархия и Порядок*. Москва: ЭКСМО-Пресс 2000, с. 139. Эту мысль в дальнейшем точно повторит Петр Алексеевич Кропоткин. В *Речах бунтовщика* он тоже скажет о том, что «народный инстинкт не ошибается» (П.А. Кропоткин: *Речи бунтовщика*. Москва: ЛИБРОКОМ 2010, с. 176).

³ В. Кантор: *Федор Степун: «Народная правда» против правового сознания как явления христианской политики*. В кн.: «Правда». *Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории*. Ред. Н.С. Плотников. Москва: Ключ-С 2010, с. 240–257.

⁴ А. Янов: *Три утопии (М. Бакунин, Ф. Достоевский и К. Леонтьев)*. «Двадцать два» 1978, № 4, с. 191–210.